

ПРЕДИСЛОВИЕ

Москва — город восточный и по стилю, и по духу. Этот образ прочитывается в его архитектуре, в структуре улиц и площадей, в городских потоках и в памятниках, хранящихся в музеях. Стойкость восточной традиции подчёркивается Василием Блаженным, Казанским вокзалом и Шапкой Мономаха.

Многоголосие и пестрота рынка, большие массы народа, их экзотическое разнообразие, двенадцать языков и сорок сороков церквей с золотыми куполами напоминают о Константинополе и Рабате (тезке Арбата). Китай-город (независимо от подлинных истоков этого имени) перекликается со знаменитым чайным магазином. Храмы — символы мировых религий, не выглядят доминантами как в Петербурге, но являются важными урбанистическими акцентами.

«Москва — великая представительница всей России, потому что она не только не полагается на все различные государства, как наша старая столица не полагалась на все европейские страны».

Все это вроде бы всем известно, но Фарид Асадуллин восторженно ведет нас по улицам московской истории, открывая все новые и новые элементы ее восточного образа. Многие из того, что они рассказывают, удивит читателя обычного и порадует читателя с восточными корнями. В любом случае наши городская культура и история оказываются много разнообразнее, чем это кажется на первый взгляд. Среди неожиданных и актуальных открытий — один из первых «москвичей» — Степан Кучка, выходец из Волжской Булгарии.

Конечно же, иногда восторг автора от открытия восточных, и в первую очередь — мусульманских, следов кажется избыточным, но это легко корректируется спокойным чтением. Конечно же, Покровский собор не повторяет Кул Шариф, но индийский дух внешнего декора не вызывает сомнений. Временные запреты пьянства трудно считать мусульманским влиянием, но автор учит нас присматриваться к нюансам, а это всегда делает жизнь увлекательнее.

Эту книгу легко читать, и с нею интересно бродить по Москве.

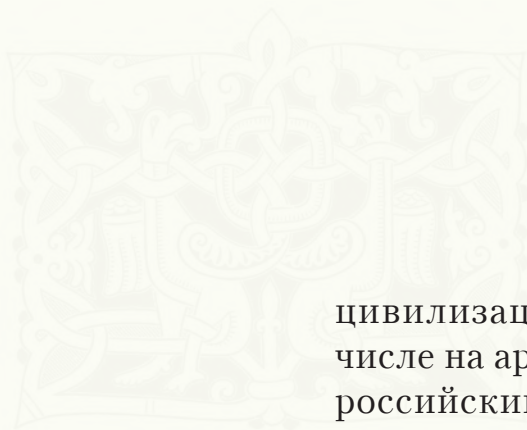
М. Б. Пиотровский,
академик Российской Академии наук
и Российской Академии художеств

«Мы гордимся тем, что все самостоятельное искусство и искусство все мировое в общечеловеческое. И поэтому научился у азиатов. И мне хотелось бы подчеркнуть в отношении азиатского искусства... там на Востоке майяк древних цивилизаций».

«ПРЕДУВСТВИЕ АЗИИ»

Москва, насчитывающая более 8000 объектов культурного наследия, является одним из известных в мире исторических городов. Одновременно она входит в число лидеров среди других европейских столиц в сфере сохранения этих памятников культуры — как материальных, так и нематериальных, — которые формируют чувство исторической преемственности и коллективную память об общем для горожан культурном наследии. Историческая идентичность Москвы и России в целом видимыми и невидимыми нитями связана с Востоком, с его

«Москва — великая представительница всей России, великая точка так же не только на ее религиозном горизонте, как наша старая столица не только на ее географическом уровне».

цивилизационными кодами, опирающимися в том числе на арабо-мусульманское наследие. Выдающийся российский востоковед академик С. Ф. Ольденбург, ратовавший за глубокое и всестороннее изучение Востока, в начале XX в. писал:

«Об истории человечества можно будет только тогда говорить, когда в нее полноправно войдет история Востока»¹.

В трудах его современников, других известных востоковедов академиков В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, В. А. Гордлевского, Н. И. Конрада и позднее Е. П. Челышева, М. Б. Пиотровского и В. В. Наумкина идея тесной связи Востока с общемировым культурным наследием получила многогранное научное развитие и продолжение². Современная историческая наука о России, исследуя основные культурные доминанты российского социума, формулирует особый «рецепт» цивилизационной включенности как Запада, так и Востока в многообразное наследие страны. Сохранившиеся памятники архитектуры, топонимика городских улиц и площадей, известные образцы отечественной литературы и искусства — все это формирует исторический ландшафт столицы и среду разнообразной культурной преемственности населяющих ее народов.

Историческое знание о столице приобрело в последние годы не только более объемный и комплексный характер, но и принципиально иные, чем раньше, масштабы и измерение, что высветило и подчеркнуло еще больше ее древние этнокультурные черты, связанные с миром азиатского Востока. Не случайно официальный историограф эпохи Александра I Н. М. Карамзин в статье «Записки старого московского жителя», стремясь запечатлеть в сознании дух городской среды и исконные нравы ее жителей, указывал на ее «полуазиатскую

«Москва — великая представительница всей России, великая точка так же не только на ее религиозном горизонте, как наша старая столица не только на ее географическом уровне».

физиономию»³. Родоначальник московского бытописательства, автор многотомного сочинения «Москва и москвичи» (1842–1850) М. Н. Загоскин, подводя итог своим наблюдениям, заключал:

«Москва – верная представительница всей России, которая точно так же не походит на все западные государства, как наша старая столица не походит на все европейские города»⁴.

Потомок крымских ханов Гиреев М. Ю. Лермонтов, размышляя о своем богатом опыте знания быта азиатских народов и общения с ними [в письме издателю А. А. Краевскому] отметил:

«Мы должны жить своей самостоятельной жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое. Я многому научился у азиатов. И мне хотелось бы проникнуть в таинство азиатского мирозерцания... там на Востоке тайник богатых откровений»⁵.

Позднее И. Е. Забелин, известный славянофил, выполнявший с 1880 г. обязанности главного историографа Москвы, пытаясь найти подходящие слова для выражения исконно природного характера России и ее первой столицы, рассуждал:

«Что московская красота носит в себе черты восточные и мало подходит на западный облик, то в этом разве есть что-либо унижительное, что-либо недостойное человечества и человечности?... Живя на востоке, имея постоянное дело с Востоком, Москва физически не могла вырастить себя совсем по западному образцу, с которым вдобавок не сошлась характером по вере и по некоторым политическим началам»⁶.

«Москва — великая представительница всей России, великая точка так же не походят на все различные государства, как наша столица не походит на все европейские города».

В завершение он откровенно констатирует:

«Россия все еще татарщина... Россия такова, что эту татарщину исправниками да палками не усмиришь»⁷.

Этот примечательный вывод одного из главных идеологов Москвы «сорока сороков» церковей можно расценить как признание им главной цивилизационной особенности Российского государства и ее древней столицы.

Наконец, Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» вслед за Забелиным суть поисков национально-культурной идентичности России коротко формулирует известной поговоркой: «Grattez le russe et vous verrez le tartar» — «Поскреби русского, обнаружишь татарина» (досл. «Поскребите русское и вы увидите татарское»). Обращаясь к воображаемому оппоненту из лагеря либеральной интеллигенции, писатель с плохо скрываемым раздражением пишет:

«Не хотели европейцы нас почестъ за своих ни за что, ни за какие жертвы и ни в каком случае: Grattez, дескать, le Russe et vous verrez le Tartar и так доселе. Мы у них в поговорку вошли. И чем больше мы им в угоду презирали нашу национальность, тем более они презирали нас самих... Они именно удивлялись тому, как это мы, будучи такими татарами (les Tartares), никак не можем стать русскими; мы же никогда не могли растолковать им, что мы хотим не русскими, а общечеловеками».

Эти философские рассуждения классика русской литературы возвращают современного читателя, к мысли о том, что, прежде чем стать «общечеловеком» следует определиться с собственной самобытностью

«...и потому, что мы, русские, не можем быть общечеловеками, потому что мы, русские, не можем быть общечеловеками, потому что мы, русские, не можем быть общечеловеками...»

и корнями, чтобы не уподобиться «Ивану не помнящему родства».

В «Русских достопамятностях», печатном органе Московского общества истории и древностей российских (МОИДР), который с перерывами выходил в XIX в., можно обнаружить еще ряд самых разнообразных примеров прямой, либо опосредованной «включенности» Москвы в широкий культурный ареал восточно-азиатской цивилизации.

В русской литературе XX в. тема ментальной связи с Востоком (востокоцентризма) и по разному понимаемой «татарщины» продолжает занимать заметное место в творчестве многих крупных писателей и поэтов. В своих записках «знаток человеческих душ» А. П. Чехов остроумно замечал:

«Самолюбие и самомнение у нас европейское, а развитие и поступки азиатские».

«Огромным странноприимным домом» представлялась многоликая и разноголосая Москва Марине Цветаевой и не только ей. О «золотой дремотной Азии», опочившей на куполах московских церквей, писал Сергей Есенин и в другом стихотворении дополнял: «Ах, Расея моя, Расея, азиатская сторона!»⁸ Наконец, их современник, «председатель земного шара» Велимир Хлебников, стирая национальные грани и религиозные различия, в поэме «Хаджи-Тархан» резюмировал:

*«Ах, мусульмане те же русские.
И русским может быть ислам».*

Наша книга посвящена истории Москвы как евразийского города через обзор и изучение памятников

Посольский
двор

культуры, жизни и быта населявших и населяющих ее ныне мусульманских народов или, по определению известного философа и публициста Н. С. Трубецкого (1890–1938), — «евразийских магометан»⁹. Это этноконфессиональное разнообразие городской жизни характеризует сегодня особый статус Москвы, как «исторически сложившегося центра культурных, духовных и социальных традиций многонационального народа Российской Федерации»¹⁰. Мы надеемся, что поднимаемая в этом иллюстрированном издании злободневная тема, развивая и продолжая канву предыдущих книг¹¹, позволит через зрительные образы — архивные фотографии, археологические артефакты, художественные гравюры и картины известных мастеров кисти, существенно расширить границы исторического знания о нашей древней столице — не только среди самих москвичей, но и ее гостей, интересующихся московскими достопримечательностями.

Уже в средневековой Москве наблюдается самое настоящее разнообразие культур и религий. Итальянский путешественник Эрколе Зани в «Известии о путешествии в Московию» (1672) писал:

«Я удивился громадности города. Он превосходит любой из европейских и азиатских городов».

В Москве можно было встретить послов, представлявших

«Малатайский улус и Ливонский орден, Южную Грузию и северную Казанскую землю, Ватикан и Венецианскую республику, Датское королевство и ганзейские города, императора Священной Римской империи и турецкого султана»¹².

Известный французский литератор и путешественник маркиз А. де Кюстин (1790–1857), в целом очень критично описавший российскую действительность и укоренившиеся нравы эпохи Николая I, очень точно заметил:

«Лостеприимные обычаи древней Азии и изящные манеры цивилизованной Европы назначили здесь друг другу свидание...»¹³

Какими оказались результаты этого свидания читатель сам сможет сделать вывод. А пока важно отметить, что значительный состав горожан азиатского происхождения по своим историческим корням действительно принадлежал к арабо-мусульманскому культурному ареалу. «Историческая прописка» евразийских народов, этнически и духовно связанных с исламом, которых русская летописная традиция по разным источникам именовала «бесерменами» (или «басурманами»), «половцами», «печенегами», «сарацинами», «агарянами», «измаильянами», «турченями» или «татарами» (понятие «татары»,

*«Москва — первая представительница всей России
византизм не мог же не покорить ни все различные
народности, как наша славянская цивилизация не покорит
ни все славянские племена».*

включая собственно казанских, крымских и касимовских татар, в XVI–XIX вв. было сводным и объединяло часто всех выходцев с Востока), началась, как показывают данные археологических раскопок, еще до образования Московского государства и появления населенных пунктов, которые со временем вошли в границы Москвы.

Исторический материал, связанный с Москвой и Московией, как иногда иностранцы называли Россию в Средневековье, дает возможность по-иному взглянуть и на роль мусульманских народов, являвшихся на этапе становления допетровской Руси «духовно ведущими народами» Российского государства.

Выдающийся русский философ Иван Ильин писал:

*«...Не всякому народу удается выносить самостоятельный
духовный акт и создать самобытную духовную культуру.
Народы, которым это удалось, суть духовно ведущие народы;
народы, которым это не удалось, становятся духовно
ведомыми народами»¹⁴.*

Это сложное взаимодействие разных этноконфессиональных и этнокультурных общностей, где в соотношении «ведомых» и «ведущих» народов в разные эпохи и в разной последовательности взаимно дополняли друг друга две доминирующие духовные традиции, имеющие истоком ислам и восточное христианство, во многом составляет цивилизационное ядро российской столицы.

Евроазиатский характер столицы, бросавшийся в глаза многим отечественным и иноземным исследователям московской старины, сегодня благодаря современным открытиям в исторической науке получил значительное подкрепление, создав условия для новых научных обобщений и, прежде всего, понимания уникальности многонациональной российской цивилизации.

*«Москва — первая представительница всей России
византизм не мог же не покорить ни все различные
народности, как наша славянская цивилизация не покорит
ни все славянские племена».*

Известный русский религиозный мыслитель и публицист Г. П. Федотов (1886–1951) замечал:

«В сущности, Азия предчувствуется уже в Москве. Европейец, посетивший ее впервые, и русский, возвращающийся в нее из скитаний по Западу, остро пронзены азиатской душой Москвы»¹⁵.

«Если для Запада Москва была крайним пунктом европейского цивилизованного мира, то для Востока она являлась также конечным пунктом восточной цивилизации»,

— отмечал один из основоположников современного москвоведения академик М. Н. Тихомиров (1893–1965)¹⁶. Эти важные замечания видных исследователей российской истории можно легко проиллюстрировать сохранившимися памятниками культурного наследия, несущими следы «азиатской Москвы» или, например, московской

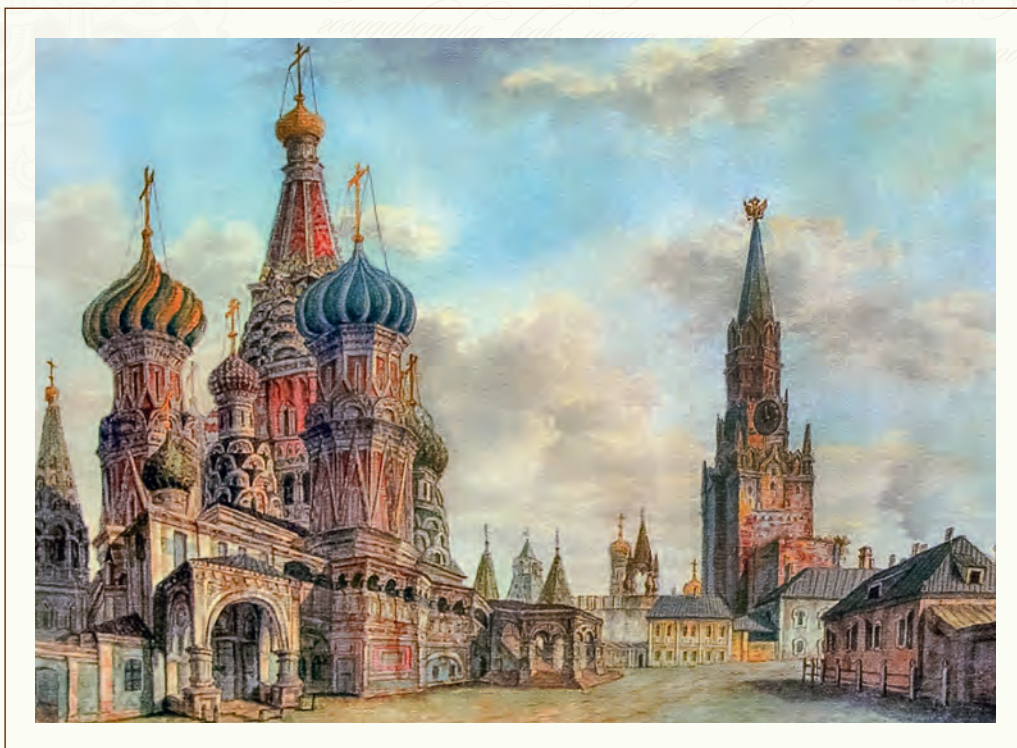

Московский кремль. XVIII в.

Высотное здание на площади Красных Ворот

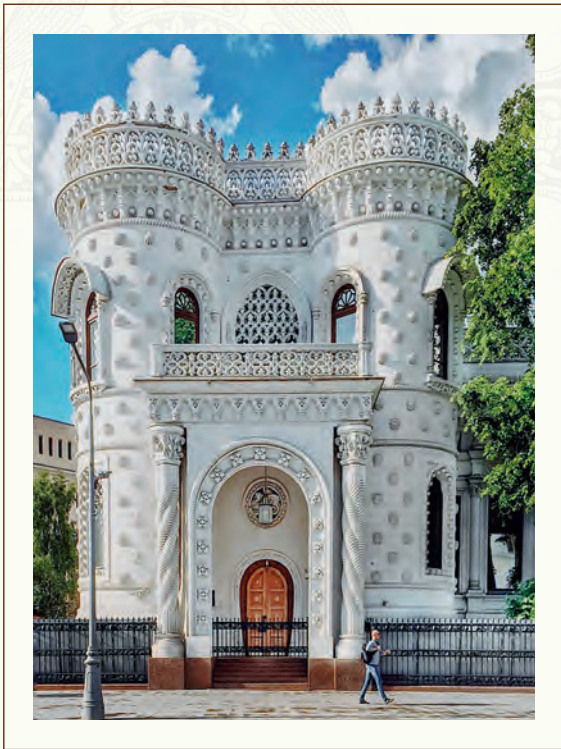
Ф. Я. Алексеев.
Собор Василия
Блаженного.
1800-е гг.

топонимикой, пронесшей через века и сохранившей для нас практически все тюркско-мусульманские наименования более десятка ее исторических улиц и местностей — Балчуг, Арбат, Басманная, Таганка, Ордынка, Остоженка или Китай-город, а также несущих отпечаток Востока шатровыми храмами и другими образцами культовой и городской архитектуры. Именно традиционные шатровые завершения башен Кремля послужили высотными ориентирами во время проектирования и затем строительства в 1947 г. семи «сталинских высоток», что в результате оказалось, возможно, самым важным послевоенным достижением московского зодчества, сформировав общий панорамный вид столицы.

Расположенный на Красной площади собор Василия Блаженного, который французский писатель Т. Готье (1811–1872) назвал «волшебно-невероятным»¹⁷, — зримый пример архитектурного влияния (прямого либо опосредованного) арабо-мусульманской культуры.

Знаменитый особняк купца Арсения Морозова на Воздвиженке (где в советское время располагался Дом

*Особняк Морозова
и замок Синтра*

дружбы с народами зарубежных стран), построенный 100 лет назад в мавританском стиле, есть не что иное, как перенесенная на московскую почву копия знаменитого замка Синтра (вблизи от Лиссабона), когда Иберийский полуостров входил в состав Арабского халифата. История возведения этого экзотического особняка запечатлена на страницах романа Л. Н. Толстого «Воскресение». Образами Востока навеяны архитектура

восток был самобытен в цивилизации. И многому научился у азиатов. И мне хотелось бы проливнуть в таинство азиатского мироощущения... там на Востоке тайник обитает створочник.

СОДЕРЖАНИЕ

3

ПРЕДИСЛОВИЕ М. Б. ПИОТРОВСКОГО

5

«ПРЕДЧУВСТВИЕ АЗИИ»

19

ГЛАВА I

Кучка и его наследники

35

ГЛАВА II

«...А искать друзей на Востоке»

81

ГЛАВА III

«Cette ville asiatique
aux innombrables églises...»

135

ГЛАВА IV

«Удивительный» мир мусульман Москвы

183

ПРИМЕЧАНИЯ

